

Алексей Скляренко

ВОСПОМИНАНИЯ АСПИРАНТА

Полуслучайная встреча с Ю. А. Карпенко оказалась решающей во всей моей последующей жизни и в научной работе.

Сняв погоны старшего лейтенанта, я, военный переводчик, превратился в преподавателя английского языка Одесского политехнического института. Быстро поняв, что без науки в вузе нет ни жизни, ни зарплаты, решил приобщиться к сонму ученых – то ли лексикологов, то ли грамматистов английского языка. Кто-то подсказал мне, что новый зав. кафедрой общего языкознания в Одесском государственном университете ищет молодые таланты. Я не был ни очень молод, ни особенно талантлив, никогда не заходил на филологический факультет и даже не знал, где он находится. Решил зайти ради любопытства. С трудом отыскал здание филфака, которое находилось осторонь от основных зданий университета, в глубине какого-то двора, заросшего травой. Поднимаюсь на второй этаж. Стучу в дверь, захожу в крохотное (как мне показалось) помещение, заставленное книгами. Вот и профессор. Учтивый, серьезный. Говорит авторитетно, ёмко. Рассказывает мне об ономастике. Ономастика для меня, вчерашнего офицера, была невероятно далекой и холодной, как Полярная звезда. Выслушав профессора и устрашась, решительно отказываюсь от дальнейшего знакомства с этой малоизвестной для меня наукой. – “А Вы подумайте!” – Подумал. Решил познакомиться с ней поближе. Начал с чтения работ самого профессора. С самого начала чтения мне imponировали слог и стиль его публикаций, чему я впоследствии всегда подражал.

Фразы его статей были короткими, чеканными, часто афористического характера. Лексика простая, без псевдонаучной терминологии, но отнюдь не упрощенная. В текстах часто встречались удивительные словесные жемчужины, языковые инновации, легкие, понятные и неотразимо прекрасные. Особенно яркими они были в текстах на украинском языке. А главное – везде были мысли. Великое множество. Большие и малые. Всегда оригинальные и интересные. Идеи обязательно подкреплялись аргументацией и фактами. Нередко факты были колоритными, звучными. Думалось: сколько же надо перевернуть словесной руды, чтобы их отыскать. Приятно поразил и способ дискуссии. Отношение к носителям иных ономастических взглядов всегда было уважительным, доброжелательным и ...ниспровергающим. Железная логика аргументации Ю. А. Карпенко не оставляла и тени сомнения в правоте его рассуждений.

Я купил несколько общих тетрадей и начал конспектировать всего доступного мне Карпенко. После него мукой было читать работы некоторых иных топонимистов. Через полгода пришел

к профессору с объемистой пачкой исписанных тетрадей: “Подумал. Согласен. Буду сравнивать украинские и английские топонимы”. Профессор благословил на работу, а затем, в 1971 г., принял к себе в заочную аспирантуру. Так я стал его первым одесским аспирантом (первым из многих последующих десятков).

Ю. А. Карпенко не жалел усилий. Ни моих, ни своих: “Переделайте. Принесите в следующий вторник”. Во вторник приношу кипу исписанных моим отвратительным почерком листов серой дешевой бумаги. Знаменитыми “карпенковскими каракулями” он пишет замечания, но чаще – “Переделать”. Это значит, он снова задает себе работу по дешифровке моих текстов.

В душе я сноб и меня всегда удивляли демократизм и простота научного руководителя. Обычно я приходил к нему домой, в тесную квартиру, кажется, на третьем этаже. Или на втором. Не помню. Дома он был одет в домашние брюки и майку. Пока он читал очередную порцию моей писанины, Муза Викторовна, его жена, угощала меня чаем, печеньем, рассказывала о семейных проблемах, которых у них было с избытком. Бросая ретроспективный взгляд на те далекие дни, мысленно заливаюсь краской стыда. Я не только часто приходил в семью Карпенко, но и, с волнением ожидая решения строгого судьи, машинально съедал все печенье. Муза Викторовна приносила еще. А у меня ни разу даже не мелькнула мысль, что и я мог бы принести пачку печенья. Я этого не сделал ни разу! У меня никогда и в мыслях не было как-то “отблагодарить” профессора за работу. Он все делал абсолютно бескорыстно, а я считал это абсолютно естественным. Потом мы все вместе смотрели фильмы по телевидению. Именно у Юрия Александровича я впервые увидел несколько фильмов из сериала «Семнадцать мгновений весны». У меня не было своего телевизора.

Юрий Александрович никогда не давал мне советов по моей работе. Я был в “свободном плавании”. Прецедентов по ономастической типологии у меня не было. Я придумывал сотни вариантов сопоставлений английских и украинских топонимов в самом широком диапазоне, вплоть до фантастических. Каждый вариант находил письменное воплощение. Юрий Александрович все прочитывал, иногда одобрял, чаще отвергал: “За это нас побьют”. Поскольку я был первым аспирантом Юрия Александровича в Одессе, у меня не было предшественников, я ни с кем не общался на аспирантском уровне и шел своим собственным научным путем.

Мне глубоко антипатично “прокрустово ложе” современных диссертационных работ, с обязательным изложением целей, задач, методов исследования, методологических основа-

ний, перечислением апробаций. А мелочные, иссушающие душу инструкции по составлению библиографии! Эти стандартные положения облегчают прочитывание и оценку работ чиновниками от науки, но они деформируют, калечат молодой исследовательский ум, обюрокрачивают его. Главным становится буква науки, знание, где правильно поставить тире или дефис. Великое таинство подлинного научного творчества становится зависимым от жалкого формализма. Юрий Александрович никогда не ограничивал моей творческой фантазии. Для него главными были полет мысли, новые соображения, свежие идеи. Часто мое изложение мысли было далеким от отточенного, рафинированного. Учитель никогда не придирался к моему стилю, не цеплялся за мелочи. Он широко и, можно сказать, смело оценивал новизну. Я же боялся авторитетов и подавлял свои инстинкты правдиво высказать соображения, которые противоречили общепринятым в науке положениям.

Имя Карпенко было для меня своеобразным “Сезам, откройся!”. Когда я работал в библиотеках Москвы, тот факт, что я аспирант Юрия Александровича, открыл мне двери не только в московскую научную среду, но и в квартиры В. А. Никонова, А. В. Суперанской, Н.В. Подольской. В Софии, в Академии наук я передал привет от Юрия Александровича Йордану Заимову, за что получил в подарок несколько объемистых книг по топонимии Болгарии. В Берлине Т. Витковский подарил мне свой топонимический словарь. В Лейпциге Эрнст Эйхлер не только познакомил меня со всей известной группой топонимистов и подарил ценные книги, но и предложил заняться сравнением украинских и немецких топонимов. Это означало перечеркнуть всю мою предшествующую тяжелую исследовательскую работу. Кроме того, немецкий язык я изучал самостоятельно, не на профессиональном уровне. Но Юрий Александрович идею одобрил и я переключился на сопоставительный анализ украинских и немецких названий населенных пунктов. Но как их сравнивать? То, что в топонимии Германии преобладают композиты, а в топонимии Украины – деривативы, понятно и без специальных исследований. Лексико-семантическое сопоставление топонимов было затруднено, так как в украинской топонимике отсутствовала серьезная этимологическая база. А без нее “сравнительное корнеискательство” было пустым занятием. Я подключил к исследованию топонимию Франции, Италии (французским и итальянским языками я владею профессионально), а также топонимию южнославянских стран. Юрий Александрович никогда не препятствовал моим научным метаниям и терпеливо, месяц за месяцем, год за годом читал сотни моих нервных страниц.

Я оставался преподавателем в ОПИ, но вдруг в Одесском холодильном институте объявилась вакансия на должность зав. кафедрой иностранных языков. Решил рискнуть. Юрий Александрович идею одобрил, дал мне блестящую характеристику, что помогло мне одолеть конкурентов и я в 1973 г. из ассистентов вдруг превратился в заведующего кафедрой. Так Ю. А. Карпенко повлиял на мою дальнейшую служебную карьеру. В этой должности я пробыл более четверти века, до ухода на пенсию.

В ткань своего типологического исследования я вплетал факты из все новых и новых языков: румынского, шведского, вьетнамского, японского и других. Каждое новое включение разрушало уже созданную архитектуру текста. Приходилось создавать новую. Юрий Александрович все терпеливо перечитывал: “Не годится”, “Убрать”, “Переделать” и так до бесконечности.

Юрий Александрович перечитывал рукописи всех моих статей и фактически был их соавтором. Но у него был принцип: публиковаться без соавторства. И только в одном случае он смиловился. Так появилась наша единственная совместная публикация: «Скляренко А. М., Карпенко Ю.А. Типология топонимических композитов // Труды Самаркандского гос. университета им. Алишера Навои. – Выпуск 264, II. - Вопросы ономастики. – Самарканд, 1975. – С. 2-5».

Наконец, в 1974 г. диссертация была написана. Но как ее назвать? Для меня вновь начались мучительные поиски, которые были прерваны за одно мгновение. Юрий Александрович напряг свой лоб хорошо известным мне способом, взял ручку и написал название: «Закономерности словообразовательной организации ойконимии». И красиво, и непонятно – попробуй догадаться, о чем идет речь. Он же разослал мои авторефераты ряду крупных ученых, среди них – профессору Уральского университета А. К. Матвееву и другим видным лингвистам, которые написали положительные отзывы. Я и не подозревал, что существуют предварительные заготовки, так называемая “рыба”, что часто функция рецензента заключается лишь в том, что он ставит подпись и заверяет ее. У нас же все в совместной с Юрием Александровичем работе от первого и до последнего дня было честным и правдивым.

Мой научный руководитель подобрал официальных оппонентов: добрейшего и благожелательного профессора П. П. Чучку, импульсивного и честолобивого старшего научного сотрудника АН УССР А. П. Непокупного. На внешний от-

зыв диссертация была направлена на кафедру русского языка Донецкого государственного университета. Отзыв был обсужден и одобрен на заседании кафедры русского языка 16 января 1975 г., протокол № 10, подписан и.о. зав. кафедрой доцентом Е.С. Отиным, который, в частности, отметил: “... Диссертация А.М. Скляренко удовлетворяет самым высоким требованиям... Мы имеем, по сути, первый образец структурно – типологического сопоставления... Можно без преувеличения сказать, что рецензируемая работа имеет важное теоретическое значение для нашей ономастической науки и ее следует рассматривать как незаурядное в ней явление”.

Диссертация была защищена 6 февраля 1975 г. в Институте языковедения АН УССР в Киеве, где мне предложили работу в Отделе ономастики. Я и в жизненных вопросах ориентировался на Учителя: в свое время ему тоже предложили перейти на работу в Академию наук и он отказался. Я также отклонил предложение.

Юрий Александрович не был на моей защите. У него уже были новые заботы. Вокруг него образовалась группа молодых аспиранток, влюбленных в науку и в научного руководителя. Мне трудно было смириться с мыслью, что я был всего лишь первым одесским аспирантом у профессора, но далеко не единственным. Вскоре он отлучил меня от себя. Решительно, прямо, без экивоков. Я решил продолжать работу в области типологической ономастики, занявшись проблемами сравнительной социономастики, начиная с анализа собственных имен у шумеров и древних египтян. Профессор идею одобрил. Но когда я по привычке пришел к нему с готовым текстом, он задал риторический вопрос: “Почему я должен редактировать ваши работы? Вы же не редактируете мои!”. Это был последний раз в моей жизни, когда я говорил с профессором Карпенко о науке. В последующем мы иногда сталкивались в коридорах университета, на улице. Я говорил о погоде, Юрий Александрович жаловался на здоровье.

Но я всегда был искренне предан своему дорогому учителю. Его работы, его идеи были источником и вдохновением в моей последующей научной деятельности. В моих публикациях, которые изредка появлялись на разных языках на Украине, в Белоруссии, России, Эстонии, Болгарии, Германии, Англии, Испании, Италии, Швеции я пытался нести в мир идеи Одесской ономастической школы, основателем которой является Юрий Александрович Карпенко.